

Иерей Гордей Щеглов

Страдания православного духовенства в дни польского восстания 1863–1864 гг.

Польское восстание 1863–1864 гг. по сегодняшний день остается одним из наиболее мифологизированных сюжетов белорусской истории. Сформировался даже целый пласт литературы, представляющий восстание едва ли не белорусским национальным делом, героической борьбой белорусского народа за независимость. Естественно, появились и свои «герои». Однако если для польской историографии героико-патриотический пафос в освещении тех событий понятен и логичен, то для нашей национальной истории является неестественным и надуманным, искусственно насаждаемым в общественном сознании. Для польского национального самосознания освободительные восстания XIX в. действительно окружены ореолом героической борьбы за восстановление утраченной государственности, овеяны духом жертвенности, мужества, пламенного патриотизма. Но у нас ведь своя история...

Хочется напомнить, что повстанческие идеи, пропагандируемые польскими патриотами, остались чуждыми белорусскому населению и не нашли в его среде широкого отклика. Восстание поддержала лишь незначительная часть населения, чаще всего польского происхождения или считавшая себя поляками: шляхта, ксендзы, мелкие чиновники, гимназисты, помещичья челядь и т. п. Показательно, что подавляющая масса участников восстания принадлежала римо-католическому исповеданию¹. А ведь для самосознания того времени «католик» значило «поляк», а «православный» – «русский». Понятия «католик» и «православный» закрепились и воспринимались как этнонимы. Белорусы же,

¹ Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1418. Оп. 3. Д. 1.

как известно, в основном были православными. Поэтому для Белоруссии восстание оказалось ненужной смутой, вписавшей в её историю не одну драматическую страницу.

Белорусский народ не только не сочувствовал восстанию, но с каждым днём всё более проникался ненавистью к повстанцам, видя многочисленные злодеяния, совершаемые ими. Сотни ни в чём не повинных людей были убиты, искалечены и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей оказались поляки, русские, евреи, иностранцы, католики и православные, люди самых различных званий, профессий и положения. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения.

Немало пострадало в те дни и православно-духовное сословие. Чего только не пришлось вынести православному духовенству от повстанцев – угрозы, издевательства, побои, грабежи. Совершались и убийства. Чтобы избежать насилия, многим священникам приходилось прятаться, а некоторых, приговоренных повстанцами к смерти, спасла лишь охрана русских военных.

В Вильнюсе в Пречистенском соборе сохранились установленные еще в XIX в. памятные доски с 349-ю именами жертв восстания 1863–1864 гг. Возглавляют список имена православных священников Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого и Константина Прокоповича. Начнем с них наше скорбное повествование и мы.

Священник Даниил Конопасевич служил в местечке Богушевичи Игуменского уезда Минской губернии. 18 апреля 1863 г. группа повстанцев во главе с местным помещиком-поляком Болеславом Свенторжецким явилась в богушевичское волостное правление. В присутствии нескольких крестьян Свенторжецкий «прочитал польский манифест и объявил крестьянам, чтобы они не платили никаких податей, не давали рекрут, и что землю отдает им в дар», заверив при этом, что все книги и бумаги в богушевичской канцелярии уничтожены². В это же время повстанцы устроили обыск в доме отца Даниила, разыскивая его, но не нашли, так как священник отсутствовал. В тот же день повстанцы уехали из Богушевичей.

Вернувшись домой и узнав о случившемся, отец Даниил немедленно отправился в волостное правление, где нашел на полу разорванный

² НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 16. об.

портрет императора Александра II, а на столе – пачку прокламаций, в которых объявлялось о восстановлении Польши и ее прав, объявлялись льготы крестьянам и звучало воззвание к русским «хлѡпам» вступить в число граждан будущего польского королевства. Недолго думая отец Даниил собрал прокламации, порвал их и бросил в топившуюся печь, а разорванный портрет государя забрал домой.

9 мая под селом Юревичи, недалеко от Богушевичей, произошло сражение русских военных с повстанческим отрядом Лясковского. На другой день после сражения военные позвали отца Даниила исповедовать и причастить раненых и отпеть павших воинов.

В это время посылаемые за припасами члены отряда Лясковского доложили ему, что «священник Конопасевич разъезжает с казаками и уговаривает крестьян преследовать мятежников». Тогда Ляковский созвал штаб, на совете которого отца Даниила приговорили к смертной казни.

Прослышав, что повстанцы хотят расправиться с отцом Даниилом, управляющий имением Малиновский стал настоятельно советовать ему уехать из Богушевичей в Бобруйскую крепость, но отец Даниил решил не оставлять паству в смутное время. По свидетельству родных, страха смерти у него не было. Происходившие тогда события, видимо, подготавливали его к принятию любой ситуации. Незадолго до смерти отец Даниил отправился к соседнему священнику и, исповедовавшись у него и причастившись, радостный вернулся домой со словами: «Вот я уже теперь совсем готов – причастился»³.

Для расправы над богушевичским священником Ляковский отправил отряд из 40 человек во главе со шляхтичем Альбином Тельшевским.

23 мая 1863 г. около шести часов вечера повстанцы окружили дом Конопасевичей с требованием, чтобы кто-нибудь вышел. Отец Даниил вышел с супругой на чёрное крыльцо, но повстанцы не сразу поняли, что перед ними священнослужитель, и спросили, где «ксендз», разумея под этим словом «священник». Дело в том, что отец Даниил хотя и носил, как священник, длинные волосы, был одет не в подрясник или

³ Конопасевич А. Воспоминания о жизни и мученической кончине в 1863 году священника Богушевичской Крестовоздвиженской церкви Минской губернии Даниила Стефановича Конопасевича, записанные сыном его, Алексеем Конопасевичем, 15-го ноября 1908 года со слов очевидицы его смерти, жены его, Елены Ивановны // Минские епархиальные ведомости. 1909. № 1. С. 18.

рясу, а так, как обычно ходил дома – в старое семинарское пальто. На вопрос повстанцев он ответил: «Я и есть священник. Что вам нужно от меня?» Тогда к отцу Даниилу подступил шляхтич Тельшевский и направил в грудь револьвер, но супруга оттолкнула оружие. Повстанцы тут же втолкнули её и выбежавшего на шум ребёнка в кухню и подперли дверь. Несчастливая женщина в истерике металась по дому, пока не упала в обморок. Она впоследствии рассказывала, что, когда отца Даниила схватили, он не издал ни звука. Ещё она слышала, как кто-то крикнул: «Верёвок!», а что было после, не помнила.

Схватив священника, повстанцы вывели его на середину двора: Тельшевский зачитал постановление штаба и приказал повесить. Когда отец Даниил что-то возразил, его с бранными словами схватили за волосы, накинули на шею верёвку и повесили тут же на воротах.

Когда супруга священника пришла в себя и вышла на улицу (двери дома уже были отперты), то увидела повешенного мужа. Рядом с ним, обняв ноги, сидел плачущий старик – «дед Иван», работавший в доме паробком. Он ничего не знал о расправе, пока не привёл с выгона скотину, и потрясённый увиденным, горько оплакивал любимого батюшку. Из людей вокруг никого больше не было. Жители Богушевичей, узнав, что в местечко вошли повстанцы, попрятались и боялись даже показаться на улицу.

Когда дед Иван стал снимать отца Даниила, тотчас прибежали повстанцы, бражничавшие неподалёку в корчме, и с угрозами запретили снимать повешенного, чтобы тело его висело подольше на устрашение всем русским, противящимся «польскому делу». И только после отъезда их из Богушевичей тело отца Даниила сняли, омыли и положили в доме, как подобало умершему.

Для погребения мученика в Богушевичи к вечеру 25 мая прибыли священники Роман Пастернацкий, Иоанн Шафалович и Порфирий Ральцевич с псаломщиком. Из опасения попасть в руки к повстанцам им пришлось переодеться в крестьянскую одежду и даже обрезать волосы. В тот же вечер в Богушевичи пришли русские пехотинцы и казаки. Благодаря военным священники смогли безопасно совершить погребение. Из дома на церковный погост гроб мученика несли русские солдаты. Похоронили отца Даниила при фундаменте местной приходской церкви, сгоревшей при невыясненных обстоятельствах в 1862 г.⁴

⁴ *Щеглов Г. Э.* Год 1863. Забытые страницы. 2-е изд., доп. Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. С. 40–51.

Другой священник, убитый повстанцами – Константин Прокопович, служил настоятелем церкви заштатного города Суража Белостокского уезда Гродненской губернии. В дни восстания священника предупредили, что повстанцы хотят убить его. Причиной было, по свидетельству его сына Льва, то, что отец Константин «принимал к себе войска, проходившие для стычек с мятежниками»⁵. За неделю до праздника Троицы действовавший близ Суража повстанческий отряд разбила рота русских солдат, и после боя офицеры были радушно приняты и угощены в доме Прокоповича. После этого повстанцы, подстрекаемые ксендзами Крынским и Моравским, с ненавистью стали смотреть на священника Константина, посмевшего «принимать и угощать “пшеклентых москалей”»⁶.

Ночью с 22 на 23 мая 1863 г. повстанцы через окно вторглись в дом Прокоповича и стали искать его, однако священник успел укрыться на конюшне. Бандиты «дубинами и прикладами» избили жену, 17-летнюю дочь и 16-летнего сына Льва – ученика Литовской духовной семинарии, угрожая повесить. Перепуганный юноша с верёвкой на шее причитал: «Боже мой! Боже мой!» Но повстанцы с насмешками и ругательствами издевались: «Какой твой Бог? Какая твоя вера? Твоя вера – собачья, схизматическая ... Подлец, собачья твоя кровь...»⁷.

Найдя отца Константина, повстанцы бросились к нему, вытащили на двор, «рвали волосы на голове и из бороды, нанесли более 100 ударов ружьями и кольями, толкали во все стороны, бросали на землю и топтали его ногами; потом один изверг выстрелом ещё и ранил его в бок». Наконец, еле живого, окровавленного, истерзанного священника «повесили на тополе в пяти шагах от дома»⁸.

Когда перед смертью отец Константин просил дать ему помолиться, повстанцы с издёвкой говорили: «Какой твой Бог? Вы не что иное, как собаки, ваша вера тоже собачья, русская; ваш Бог – русский». При этом его не переставали бить, не давая выговорить и слова, и всё время кричали: «Молчи!» Уже с верёвкой на шее страдалец успел лишь сказать:

⁵ Страдания православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 11. С. 379.

⁶ Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 27. С. 277.

⁷ Страдания православного духовенства... № 11. С. 379.

⁸ Страдальцы и мученики за веру православную... С. 277.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»⁹. Палачи издевались над священником и после его смерти. Приведя сына к трупу отца, говорили: «Видишь, отец твой висит, как собака; то же и с тобой будет». Повстанцы избili юношу, затем ограбили дом и, уходя, стали выкрикивать: «Теперь у нас не будет схизматиков; теперь у нас настоящая Польша»¹⁰.

По свидетельству сына, главным вдохновителем убийства отца Константина был ксендз Моравский. А вообще в расправе участвовало около 100 человек, среди которых находились и жители Суража – католики¹¹.

Спустя пять лет после мученической кончины священника Константин, при устройстве на его могиле памятника, был вскрыт гроб. Вот как описывал виденное священник Иоанн Котович: «Гроб сосновый, покрашенный голубой краской. Краска на гробе клеевая, несмотря на низменное место и сырость, постоянно поддерживаемую льющейся с церковной крыши водой, сохранилась в целости, не полинявшей. <...> Руки, крест, ризы и все в гробе покрыто нежной синевою, какая бывает на сливах (плодах); тело нетленное, желтоватое; на голове плешь от вырванных волос, сделанная мучителями – мятежниками»¹².

Другой священник-мученик – иерей Роман Рапацкий – служил настоятелем в селе Котры Пружанского уезда Гродненской губернии. Еще в начале 1863 г. его предупреждали об опасности и советовали куда-нибудь уехать с семейством, но отец Роман не пожелал оставлять прихожан. Он, кажется, предчувствовал кончину – 3 июля, уходя на сенокос, много молился и взял с собой молитвослов. А вечером его схватили повстанцы и подвергли издевательствам: предлагали водку и папиросу перед смертью. Когда отец Роман стал просить о позволении проститься с женой и детьми, ему отказали. Повесили священника на груше, затем один из повстанцев выстрелил ему в грудь¹³. Вместе с отцом Романом на груше повесили и местного крестьянина Константина Шведа за то, что он открыто осуждал восстание и сообщал властям

⁹ Страдания православного духовенства... № 11. С. 380.

¹⁰ Страдальцы и мученики за веру православную... С. 278.

¹¹ Страдания православного духовенства... № 12. С. 444.

¹² Страдальцы и мученики за веру православную... С. 280.

¹³ События 1863 года. Далекое и близкое... // Гродненские епархиальные ведомости. 1993. № 5. С. 6.

о местонахождении отрядов¹⁴. Тело отца Романа висело на дереве три дня, так как испуганные крестьяне боялись запрета повстанцев снимать его. И только прибывшие священники сняли тело страдальца и погребли. Жил отец Роман в такой бедности, что в доме не нашлось даже средств на похороны. Доски на гроб привез священник соседней церкви, а собравшиеся на погребение люди вскладчину покрыли остальные расходы. «Никогда в жизни не забудем часов погребения страдальца, – вспоминал очевидец. – Каждая минута была горестна, но душа наша была преисполнена чего-то неземного. Не страх и трепет волновал душу нашу, но веял какой-то дух жизни, проявлявшийся в слезах и неземных размышлениях...»¹⁵.

От рук повстанцев пострадал псаломщик Крестовоздвиженской церкви села Святая Воля Пинского уезда Минской губернии Фёдор Яковлевич Юзефович. Хорошо зная местность, он сообщал представителям власти, где скрываются повстанческие отряды. А однажды сам догнал и отнял у некоего пана Кобылинского порох и провизию, предназначенные для повстанцев. Узнав о таких действиях Юзефовича, повстанцы решили расправиться с ним.

Всё произошло в деревне Гать, где находились усадьба священника и дом псаломщика. Утром 1 июня 1863 г. в дом Юзефовича пришли два неизвестных человека и, сказавшись путниками, попросили поест. Сам Феодор Яковлевич в это время находился где-то на огородах. Жена его приняла незнакомцев и приготовила угощение. За едой «странники» завели разговор с отцом Феодора, заштатным священником Яковом Юзефовичем, проживавшим в доме сына. Во время беседы хозяйка заметила, что эти люди «не здешней стороны» и, заподозрив в них повстанцев, послала за мужем.

Узнав о подозрениях супруги и, видимо почувствовав недоброе, Феодор Яковлевич, прежде чем идти домой, зашёл к соседу-крестьянину, чтобы с его помощью при необходимости задержать подозрительных людей. Придя в дом, он стал расспрашивать незнакомцев, кто они и откуда. Во время беседы в комнату вбежал испуганный сын Феодора и сказал, что «в село идут поляки». Все выбежали из дома, чтобы раз-

¹⁴ Страдальцы и мученики за веру православную... С. 282.

¹⁵ Памяти графа М. Н. Муравьева, усмирителя польского мятежа в 1863 г. и восстановителя русской народности и Православной Церкви в Северо-Западном крае России. Вильно, 1898. С. 33–34.

узнать, кто приближается к деревне. Меж тем находившиеся в доме незнакомцы, а это были «передовые» повстанческого отряда, стали убеждать, что это русские казаки, и, сделав испуганный вид, просили спрятать их. Этой притворной игрой, видимо, хотели спровоцировать или сбить с толку Феодора Юзефовича и задержать его в доме. Однако когда все убедились, что в деревню вошли повстанцы, Феодор Яковлевич, понимая, что ничего доброго от встречи с ними не будет, хотел скрыться. В этот момент один из незнакомцев приставил к его груди револьвер и закричал: «Стой! Никуда не пойдешь! Ступай за мной в корчму!» К этому времени отряд повстанцев численностью около 400 человек уже вошёл в село.

В корчме над псаломщиком стали издеваться и объявили, что ему осталось «всего полчаса времени до смерти». Командир отряда велел отправить пленника к местному священнику Николаю Стояновичу для исповеди. Между тем жена и пятеро детей Феодора Яковлевича со слезами умоляли повстанцев помиловать его. Отец – священник-старик ползал у них в ногах, прося пощадить сына. Но никакие уговоры не помогли.

Исповедь Феодора происходила в гостиной священнического дома, в присутствии нескольких вооружённых соглядатаев. После исповеди повстанцы в форме издевательства предложили отцу Николаю деньги «за труд», но тот естественно отверг постыдную мзду и именем Христа стал упрашивать пощадить жизнь своего сослуживца, хотя бы ради его малолетних детей. О том же умоляла и жена отца Николая, стоя на коленях. Но как бы назло повстанцы заявили, что повесят Юзефовича у ворот священнического дома и уже стали делать к тому приготовления. С большим трудом отец Николай сумел убедить не делать его двор местом убийства. Тогда повстанцы согласились повесить Юзефовича на вербе, как раз напротив его дома, находившегося через улицу. Вместе с тем они потребовали, чтобы во время казни присутствовал и сам священник, но, услышав об этом, отец Николай впал в глубокий обморок, так что его оставили в покое.

Повесили Феодора Юзефовича на вербе возле его дома на глазах у всей семьи. К повешенному приставили стражу, чтобы тело оставалось так до третьего дня и чтобы «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как противодействовать полякам». При этом, воображая себя

«рыцарями-благодетелями», оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей».

После убийства Феодора Юзефовича весь отряд собрался на дворе священнической усадьбы. «Гости» стали хозяйничать в доме, амбарах, конюшне и забрали съестные припасы, а также муку, овес, повозки, упряжь и т. п. Затем частью там же на дворе, частью на кладбище, расположенном при усадьбе – за сараями, разложили костры и почти до вечера харчевались. После этого они взяли отца Николая и повезли в лес, в урочище под названием «Млынóк», где была мельница, и там хотели повесить, для чего на одной из сосен уже приготовили веревку. Но неожиданно появившийся какой-то помещик, знакомый повстанцам, с большим трудом упросил их не вешать священника. Тогда повстанцы «на память» остригли отцу Николаю голову и бороду, переодели в жупан и отправили едва живого домой на телеге проезжавшего мимо крестьянина¹⁶.

Вспоминая эти дни, священник Корытнянской церкви Бобруйского уезда Григорий Рункевич писал впоследствии: «Кроме убиенных и повешенных православных священников, было множество в крае таких мучеников священников, которые хотя и спасли свою голову от виселицы, но не менее пострадали от варварских козней нравственно»¹⁷.

С 2 на 3 апреля 1863 г. повстанцы сожгли хозяйственные постройки священника Иулиана Еленского (Борисовский уезд), так как он не хотел отречься от сана и верноподданства¹⁸.

21 апреля трагедия случилась в селе Новоселки Игуменского уезда Минской губернии, куда пришёл отряд повстанцев. Местные жители решили не впускать его, а в соседние селения послали верховых с известием об опасности. В 11 часов вооруженные двустволками, пистолетами и саблями повстанцы вошли в село и направились прямо в усадьбу местного помещика Крупского, который, впрочем, отсутствовал. Крестьяне потребовали у пришедших объяснить кто они и чего хотят. Те назвали себя «воинами царства польского и сказали, что хотят рассчитаться только с попом, а им, крестьянам, ничего худого не сделают».

¹⁶ Щеглов Г. Э. Указ. соч. С. 59–63.

¹⁷ НИАБ. Ф. 136. Оп. 18. Д. 35071. Л. 35.

¹⁸ *Утрата Сергей, диакон*. Восстание 1863–1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии (кандидат. дис.). Жировичи, 2000. С. 69.

Священником в Новосёлках служил отец Фома Русецкий. Ещё до восстания он препятствовал распространению в местной приходской школе польских идей. В 1861 г. помещик Крупский неожиданно начал оказывать материальную помощь школе, и вскоре там появился учитель, студент Киевского университета, некто Легенза – протеже помещика. Как-то раз, во время отсутствия в школе отца Фомы, Легенза принес в класс картины из Священной истории и при объяснении одной из них – «Распятия Спасителя», указывая на римских воинов, сказал: «То są moskale» (это москали). Случай этот стал известен и вызвал возмущение священника, запретившего Легензе преподавать всё, кроме русской грамоты. В 1862 г. помещик Крупский открыл школу в своём доме, где Легенза начал учить детей на польском языке и в польском духе. Однако эта школа по ходатайству Минского архиепископа Михаила (Голубовича) в том же году была закрыта, а Крупский попал на несколько месяцев под арест. И вот, видимо, по наущению Крупского отряд повстанцев пришёл расправиться со священником.

Отец Фома уже подвергался нападению ещё в самом начале восстания. Вечером 2 февраля 1863 г., когда он по делам проезжал мимо местечка Дукора, на него напали несколько повстанцев. Спасся он тогда благодаря лишь тому, что испуганные лошади помчали повозку, подмяв при этом под себя одного из нападавших. И вот новая угроза нависла над священником.

Узнав о намерениях повстанцев, крестьяне закричали: «Не пусти́м!» и дружно бросились на непрошенных гостей. К сожалению, эта храбрость дорого обошлась безоружным селянам. В их сторону сперва раздался ружейный залп, а затем в дело пошли сабли. В результате столкновения четверо крестьян были убиты и десять ранены, однако их мужество заставило повстанцев уйти в лес. Среди убитых жителей Новоселок были: Петр Казак, Антон Варивончик, Дорофей Горбачик и Герасим Андросик. Всех их похоронили в одной могиле на кладбище при Мариино-Горской Успенской церкви.

После второго покушения на жизнь священника власти распорядились приставить к нему охрану из 15 солдат и 20 вооружённых крестьян¹⁹.

¹⁹ Летопись Новоселковской Покровской церкви Игуменского уезда // Минские епархиальные ведомости. 1877. № 20. С. 411–414.

25 апреля 1863 г. повстанцы явились к престарелому священнику Житлинской церкви Слонимского уезда Николаю Ступницкому, забрали у него съестные припасы и обрили бороду, желая этим унижить пастыря перед прихожанами. Подобное насилие было совершено и над священником Споровского прихода Кобринского уезда Адамом Рожковским. Повстанцы, угрожая смертью, приказали ему сбрить бороду, что он и вынужден был исполнить²⁰.

27 апреля повстанцы ворвались к священнику Брашевичской церкви Кобринского уезда Алексею Огиевичу. Ему с угрозой передали требование своего начальника: не писать крестьянам никаких адресатов; не возмущать против поляков крестьян – прихожан Брашевичского прихода; не делать никаких доносов начальству о движении польских отрядов; не называть повстанцев «свинтухами» и тому подобными прозвищами²¹.

Вечером того же дня повстанцы пришли в село Деревна Кобринского уезда, схватили священника Фёдора Страшкевича и потребовали, угрожая смертью, у него, а также у крестьян подвод. В разговоре с крестьянами священник украдкой подговаривал их не давать подвод. Видя, что крестьяне мешкают, повстанцы сами поймали на лугах лошадей и силой оружия заставили крестьян запрячь их в повозки. Затем схватили священника Фёдора, который не доставил лошадей, завязали платком рот и глаза, а один из них, «севши на священника, сильно придавил его грудь, толкая и ударяя под бока прикладом ружья». Отца Фёдора увезли с собой, даже не дав ему проститься с семьей. По дороге в Попину угрожали обритием бороды, побоями, расстрелом, виселицей, если он не присоединится к ним. В Попине отца Фёдора отпустили. От морального потрясения и от простуды священник тяжело заболел, так что с трудом мог исполнять пастырские обязанности²².

Священник Березинской Преображенской церкви Роман Пастернацкий, получив 3 мая 1863 г. письмо от повстанцев с угрозой лишить его жизни через повешение, вынужден был скрываться²³.

5 мая отряд повстанцев пришел в село Добромысль Слонимского уезда, где его начальник прочитал вышедшему из церкви народу рево-

²⁰ Утрата Сергей, диакон. Указ. соч. С. 64.

²¹ Страдания православного духовенства... № 10. С. 327–328.

²² Там же. С. 331–332.

²³ Утрата Сергей, диакон. Указ. соч. С. 68.

люционный манифест, после чего ксендз заставил народ присягнуть польскому революционному правительству. Начальник отряда потребовал присяги и от священника Михаила Гриневича, но тот отказался. После этого командир отряда со своим штабом и ксендз расположились в доме священника, заставили подавать чай и закуску²⁴.

11 мая 1863 г. в местечко Миловида Слонимского уезда вошел огромный повстанческий отряд. В 5 часов утра к местному священнику Жебровскому заявился в дом вооружённый человек, грубо поднял его с постели и под дулом пистолета заставил идти открывать церковь. Когда церковь была открыта, повстанцы согнали в неё православных жителей, и командир отряда стал принуждать священника Жебровского читать польский манифест. Однако Жебровский отказался. Тогда командир сказал: «Если ты не будешь исполнять моих приказаний, будешь висеть на дереве под церковью». Затем он повел священника в его дом, где достал из саквояжа сложенный лист бумаги – польский манифест. Священник ответил, что не умеет читать по-польски, на что Лукашевич со злобой воскликнул: «Проклятые слуги московские!» и, держа пистолет в руках, приказал Жебровскому идти обратно в храм. Повстанцы сами зачитали собравшемуся народу манифест и потребовали присяги. И хотя крестьяне не хотели присягать полякам, их насильно принудили это сделать²⁵.

Утром 12 мая повстанческий отряд явился в село Говейновичи Слонимского уезда. Под звон колоколов крестьян согнали на площадь. Повстанцы заставили священника Беллевича прийти в церковь, «где уже находилась толпа вооружённых инсургентов». Прейводитель зачитал народу манифест, после чего ксендз стал приводить испуганных селян к присяге на верность революционному правительству. Выведя из алтаря священника Беллевича, повстанцы заставили его под страхом смерти подписаться на трёх листах за своих неграмотных прихожан, что они присягнули...²⁶

17 мая в 8 часов утра на двенадцати почтовых тройках вооружённые повстанцы въехали в село Любищицы Слонимского уезда. Согнав на площадь народ и зачитав манифест, они потребовали от собрав-

²⁴ Страдания православного духовенства... № 10. С. 328–329.

²⁵ Там же. № 13. С. 461–463.

²⁶ *Утрата Сергей, диакон*. Указ. соч. С. 65.

шихся присягнуть на верность польскому правительству. Православные жители во главе со священником Лукьяном Гомолицким отказались присягать. Однако их всё же заставили это сделать в присутствии ксендза повстанческого отряда. Затем начальник отряда принудил отца Лукьяна подписаться за неграмотных крестьян на актах²⁷.

Немало пришлось претерпеть от повстанцев священнику местечка Свислочь Волковысского уезда Александру Гомолицкому. Ещё за несколько недель до появления в Свислочи повстанцев на улицах местечка разбрасывались прокламации с угрозами. На дверях домов православных жителей и тех, кто не сочувствовал восстанию, появились изображения виселиц со списком лиц, которые будут повешены. Наконец, 17 мая около 40 повстанцев заявили в местечко. Они схватили священника Александра и привели на площадь перед костелом, где начальник отряда стал упрекать его в распространении «московской» пропаганды, в противодействии делу восстания. Гомолицкого грозились повесить. Затем поляки пошли со священником в его дом, забрали лошадь с седлом и удалились.

Вторично повстанцы наведались в Свислочь ранним утром 21 мая. Десять всадников окружили дом отца Александра, двое ворвались туда и после погрома потащили священника в здание прогимназии. Там командир отряда прочитал второе обвинительное письмо и снова угрожал повесить. После этого отец Александр уже опасался находиться дома и целыми днями скрывался. Когда повстанцы всё же отыскивали его, то повели на площадь с намерением повесить. Сбежавшийся народ стал уговаривать палачей отпустить священника, но те были непреклонны. И только находчивость старика-нищего, выкрикнувшего: «Москали идут!» спасла отца Александра от смерти. После этого о священнике Александре Гомолицком сложилась молва, что поляки его трижды вешали, но так и не смогли повесить²⁸.

28 мая 1863 г. в 11 часов утра в селе Великорита Брестского уезда появился небольшой отряд повстанцев, одетых в красные рубахи, верхом на лошадях и вооружённых ружьями и пиками. Прискакав с шумом в Великориту, повстанцы с ходу влетели на священнический двор с криком: «Где поп, где поп, где сельский старшина?» Великоритский

²⁷ Страдания православного духовенства... № 11. С. 372–373.

²⁸ *Утрата Сергий, диакон.* Указ. соч. С. 66.

священник Куханович успел спрятаться в церкви. Изнутри он слышал шум и крики жителей. До четырех часов дня повстанцы громили селение. Когда все стихло, священник вышел из церкви и вернулся в дом. Родные рассказали, что повстанцы искали его, угрожая семейству повешением и поджогом дома. Бандиты говорили, что хотят повесить самого Кухановича и ещё настоятеля Дывинской церкви Пиотровского. Разыскивая священника, повстанцы всё в доме перевернули, в амбаре выбили окошко и выбросили все вещи, а в поисках ключей от церкви, выломали двери в колокольне. Начали даже пилить засов церковных дверей, но, поломав пилку, оставили эту затею. Кроме того, повстанцы устроили погром в сельском правлении. Повесили сборщика податей Василия Хомычука. Наказали плетьюми волостного старшину Евдокима Хомычука, дав ему до 300 ударов. Еще двух крестьян жестоко избили плетьюми, посыпая раны песком и поливая водкой²⁹.

В ночь с 29 на 30 мая 50 конных повстанцев напали на священника местечка Дрогичин Бельского уезда Гинтовта, вытащили его за волосы на улицу и требовали 1000 рублей, после чего стреляли в него холостыми зарядами, прикладывая при этом револьверы к голове, а саблей нанесли две раны в голову, повредив ухо³⁰.

25 июня в два часа ночи повстанцы напали на местечко Домачево Брестского уезда: занялись грабежом и розыском политических противников. Священник Александр Дружиловский, услышав выстрелы, спрятался с семьей в огороде. Повстанцы нашли его и там. От издевательств и нанесённых побоев отец Александр пролежал целый месяц в постели³¹.

6 июля конный отряд повстанцев (человек сорок) напал на дом старца-протоиерея Иосифа Снитко в местечке Влодово Брестского уезда. Ему объявили, что начальник отряда приказал полностью разграбить и разорить его дом, а самого протоиерея доставить в обоз для суда. Отец Иосиф сказал, что он ни в чём не виновен и ехать к начальнику не боится. Оставив неустрашимого старца, грабители стали разбивать шкафы и комоды, забрав все более-менее ценные вещи и 150 рублей. С награбленным имуществом «герои» отправились в свой обоз за реку Буг³².

²⁹ Страдания православного духовенства... № 12. С. 413.

³⁰ Там же. С. 416–417.

³¹ Там же. № 17. С. 655–657.

³² Памяти графа М. Н. Муравьева... С. 22–23.

Подобное мужество и неустрашимость проявил более молодой священник Поддубисской церкви Григорий Пигулевский. На угрозы повстанца убить его, жену и малолетнего сына и сжечь церковь служитель Божий спокойно и кротко отвечал: «Не трать заряда. Убей кулаком беззащитного, но помни, что пролитая невинно кровь будет взывать к Богу об отмщении». Злодей остолбенел, совесть заговорила и он, схватив руку отца Григория, поцеловал ее, заплакал и ушёл³³.

20 июля 1863 г. отряд повстанцев до 300 человек окружил в Бельском уезде Гродзискую церковь, в то время когда в ней совершалась Литургия. Повстанцы вызвали из церкви отставного солдата Адама Грисюка, вывели за деревню и повесили. Священник Проневский окончил богослужение в большом страхе за безопасность прихожан и храма. Люди же были в таком испуге, что не смогли ничего предпринять для спасения солдата, тем более что число повстанцев во много раз превышало число молящихся. Несмотря на запрет хоронить повешенного, священник Проневский всё же совершил его погребение по православному чину³⁴.

Священник из бывших униатов – Ансельм Пигулевский, настоятель Браславского прихода, узнав, что ему грозит смерть, оставил, по просьбе прихожан, свой дом и являлся в приход только для совершения треб и богослужения³⁵.

Священник Скрыгаловского прихода Мозырского уезда Василий Завитневич в дни восстания, не страшась опасности, все время находился рядом с паствой. Он не только удерживал прихожан от участия в восстании и раскрывал им глаза на истинные его причины, но и настраивал их на противодействие. Благодаря стараниям отца Василия возле Скрыгалова местные крестьяне поймали «известного пропагандиста польского восстания в пределах Мозырского уезда ксендза Выгоновского», бывшего законоучителя Мозырской гимназии. Отец Василий лично участвовал в передаче его властям, а когда узнал, что Выгоновского хотят отпустить, выразил решительный протест и настоял на его содержании под стражей. Дело в том, что ксендз был переодет в крестьянскую одежду, чем и хотели воспользоваться, чтобы отпустить его на свободу как простого крестьянина, некоторые из сочувствующих

³³ Памяти графа М. Н. Муравьева... С. 24.

³⁴ Страдания православного духовенства... № 17. С. 658.

³⁵ Памяти графа М. Н. Муравьева... С. 22–23.

ему лиц³⁶. Когда Выгоновского передали властям, поляки внесли отца Василия в список лиц приговоренных к смерти. Узнав об угрозе, русские военные командировали для его охраны отряд солдат³⁷.

Многие священники вынуждены были скрываться от повстанцев: проводили ночи на болоте в траве, ночевали на сырой земле, отчего сильно заболели, и нередко с угрозой для жизни. Например, благочинный Николай Соловьевич после убийства священника Даниила Конопасевича и угроз в свой адрес, скрывался по ночам в лодке на реке, отчего заболел хроническим ревматизмом. Станьковский священник Петр Трусовский спасся бегством из дома и скрылся от повстанцев благодаря крестьянам, которые переодели его в свою одежду, провели между повстанцами и спрятали в лесу, где он провел целый день. Жена священника, перепуганная повстанцами, окружившими дом, и слухом, что муж повешен, от потрясения заболела и не могла выздороветь несколько месяцев³⁸.

Из-за угроз со стороны повстанцев священнослужители опасались выходить на свои поля и сенокосы, по несколько месяцев не бывали в своих домах, иногда подолгу скитались вместе с семьями (женами и малыми детьми).

В настоящей статье приведены далеко не все случаи, описывающие страдания православного духовенства в дни восстания 1863–1864 гг. Поэтому в заключение хочется привести слова Литовского митрополита Иосифа (Семашко), писавшего в отчете за 1863 г.: «Редкий из духовенства не потерял от стеснительных обстоятельств времени весьма многое, не понес важных убытков и разорения от насильственных поборов и грабежей, многие также пострадали от побоев и истязаний»³⁹.

³⁶ *Якубович Вячеслав, священник. Пятидесятилетие пастырского служения протоиерея Скрыгаловской церкви, Мозырского уезда, о. Василия Завитневича // Минские епархиальные ведомости. 1917. № 19–20. С. 8.*

³⁷ *И[оанн] П[ашич], священник. Протоиерей Василий Иоаннович Завитневич (некролог) // Минские епархиальные ведомости. 1917. № 19–20.*

³⁸ *Утрата Сергей, диакон. Указ. соч. С. 68–69.*

³⁹ *Киприанович Г. Жизнь Иосифа (Семашко), митрополита Виленского и Литовского. Вильно, 1897. С. 425.*